

Мой путь в науку

Весной этого года участие в проекте «Живая история, или Мой путь в науку», осуществляемом Музеем ОИЯИ и университетом «Дубна», приняли первокурсники кафедры социологии. Под руководством профессора И. Я. Шимона и сотрудников музея студенты записали воспоминания некоторых из представителей старшего поколения Института.

Рассказы ученых, проработавших полвека в науке, о начале их жизненного пути интересны с разных точек зрения, но внимание авторов проекта, по словам директора музея Н. С. Кавалеровой, сосредоточено в основном на том, каков первоначальный импульс, пробуждающий у людей непреходящее стремление заниматься сложной умственной деятельностью. Поэтому воспоминания физиков и математиков, оформленные как курсовые работы студентов, были переданы в Музей ОИЯИ.

Каждый ученый индивидуален, и его путь в науку неповторим, но, как показывает знакомство с воспоминаниями, решающую роль в выборе жизненного пути могут оказать и родители, и хорошая книга, и исторические события, но чаще всего – школа, учителя. Поэтому сегодняшнюю публикацию мы приурочиваем к началу нового учебного года.

Геннадий Алексеевич ОСОСКОВ:

– В войну мы жили на родине отца, в Мордовии, где мне пришлось пройти суровую жизненную школу выживания, когда отец был в армии, а я оставался кормильцем семьи – мамы и двух маленьких сестер. Эти нелегкие годы меня закаляли и научили быть всегда активным и предприимчивым, что не раз пригодилось мне в дальнейшей жизни...

Отец остался жив, и после войны семья переехала в подмосковную Коломну, где я окончил в 1948 году школу № 9. Эти три последних года во многом определили выбор моего жизненного пути, благодаря замечательным учителям старой, еще гимназической, закалки. Наш учитель математики Г. В. Горшков (отец знаменитого адмирала флота) незаметно, но очень умело вовлек меня в мир математики, сделал для меня решение математических задач крайне интересным делом, которому я и посвятил всю оставшуюся жизнь. А сколько провозилась со мной наша строгая учительница литературы З. Г. Ямпольская, искореняя мою неграмотность и косноязычие и, главное, научив меня мыслить логически, четко формулируя то, что я хотел сказать...

(Записала Юлия Шерешнина.)

Владимир Алексеевич НИКИТИН:

– ...в 1941 году я пошел в первый класс... Времена были суровые. Зимой стояли сильные морозы. Нужно было носить хворост из леса в деревенскую школу, для этого мобилизова-

ли всех учеников, потому что топлива не хватало. Тогда мы писали ручками, перышко которых нужно макать в чернильницу. Чернила замерзали, приходилось их отогревать. Учился я плохо, хотя мама была учительницей в этой же школе... Я просто не понимал: зачем всё это? Читать и писать я научился вовремя, с первого класса. Когда учителя что-то рассказывали, я оставался безучастным. Хотелось, чтобы урок побыстрее закончился, и я бы побежал гулять...

Я учился в третьем классе, когда мои родители уехали на Кубань... В пятом классе начались уроки немецкого языка. Шел 1946 год. Преподавателем оказался бывший фронтовой разведчик (у него была ампутирована нога), он в совершенстве знал немецкий язык... На уроке я смотрел в потолок и думал: «Когда же это всё кончится?» Не мог ни запомнить буквы, ни выучить текст. Преподаватель, которого звали Роман Парикожка, сел ко мне за парту и начал: «Володя, сейчас мы будем учить буквы. Это буква «А», это – «Б», это слово Mutter – мама». Он несколько раз садился ко мне, и наконец мы дошли до фраз. Он говорит: «Ich gehe in die Schule. Как ты это понимаешь? Ich – я, gehe – иду, in die Schule – в школу. Повторяй!» Я с трудом повторяю. Фраза за фразой, он водил моим пальчиком по строчке, и вдруг в один прекрасный момент случилось нечто, похожее на гром среди ясного неба или на молнию. Я понял, что это целый мир! За этими словами, за тем, что мне казалось просто каракулями, не имеющими никакого смысла и интереса, вдруг я обнаружил: за ними стоит неведомый мир! У меня всё перевернулось в голове. Я пришел домой после очередного урока, сел за учебник и зубрил немецкий язык день и ночь.

Кончилась первая четверть. Нам выставили отметки. Я принес домой дневник. Отец и мать были дома. Я положил дневник на стол, но родители не проявили никакого интереса, потому что знали, что там стоят двойки и тройки. Наконец открыли дневник и ахнули от удивления: «Что такое? Все пятерки! Все!»

...Я стал смотреть на мир другими глазами. У меня появился интерес не только к немецкому языку, мне стало всё любопытно, всё по силам! Проблем с учебой с тех пор не было...

В данном случае ключевую роль сыграло влияние личности на другую личность, еще не сформированную, еще не пробудившуюся. Учитель как личность вывел меня из состояния сна, открыл мне глаза на мир,

Рудольф Гейнцевиц ПОЗЕ:

– С детства я хотел стать, как мой отец, ученым и уже в детском саду знал, что буду физиком, хотя, конечно, в таком раннем возрасте не представлял, что это такое.

Мария Дмитриевна ШАФРАНОВА:

– Почему я выбрала физику? Безусловно, основную роль сыграло событие, потрясшее всё человечество – в 1945 году американцы сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки...

Гарий Владимирович ЕФИМОВ:

– В десятом классе мне попала в руки книга Корсунского «Атомное ядро». Я прочитал ее как роман и решил, что пойду в инженеры в атомную физику.

полный красок и загадок. Как это случилось – тайна. Это чудесное пробуждение и сейчас для меня неведомо. Может ли это сделать компьютер, автоматическая система образования? Я очень сомневаюсь. Во всяком случае, в моей биографии влияние Личности оказалось почти чудом...

В шестом классе у нас началась физика. Особенно меня заинтересовали разнообразные приборы для демонстрации физических явлений. Некоторые из них я помню. Например, электрофорную машину, в которой между электродами создается высокое напряжение, и в результате разряда получаются искры, как маленькие молнии. Или прибор, который демонстрирует центробежную силу: в большой прозрачный шар насыпаны мелкие металлические шарики. Когда шар вращается, шарики поднимаются со дна и распределяются по «экватору» – это показывает, что в процессе вращения появляется центробежная сила, удерживающая шарики на высоте. Это произвело на меня впечатление, возбудило интерес к законам природы. Поразило, что можно понять и рассчитать природные явления. С тех пор физика оказалась в центре моего внимания.

(Записала Дарья Климова.)

Выпускники 1951 года одной из школ Белгорода (во втором ряду – учителя). Фото не имеет отношения к тексту, но дает представление об атмосфере тех лет

Воспоминания Леонарда Александровича МАЛОВА

беседовавшая с ним Екатерина Калинина изложила своими словами:

– 1 сентября 1945 года его отвел в сельскую школу соседский дедушка, так как мама была на работе, а отец еще не демобилизовался из армии. Писать приходилось в самодельных тетрадках, «сшитых» из оберточной бумаги и разлинованных карандашом. Один учебник приходился на нескольких учеников. В дальнейшем пришлось часто менять школы из-за переездов родителей... После 7-го класса – во Владимирской области, в поселке Лакинске – из-за скромного материального положения семьи (отец к этому времени был на пенсии по инвалидности) предстоял выбор: идти в техникум, чтобы пораньше стать самостоятельным, или продолжить учебу в школе. Родители, замечая его интерес и склонность к точным наукам, настояли на том, чтобы сын окончил десятилетку, за что он остался им навсегда признателен.

Математику в школе вел Александр Васильевич Преображенский. Он старался разнообразить свои серьезные уроки интересными, веселыми и остроумными рассказами и хитрыми, парадоксальными задачами. Если кто помнит картину Богданова-Бельского «Трудная задача», то изображенный на ней сельский учитель по характеру и внешнему виду очень его напоминает. Ему удавалось заинтересовать и увлечь своих учеников математикой, научить их получать удовольствие, мучаясь над решением и радуясь его неожиданному нахождению. Иногда в случае своего недоумения он доверял лучшим из учеников полностью провести урок с изложением нового материала. Конечно, незаметно приучая тем самым учеников к ответственности и самостоятельности...

Увлеченно знакомила с очарованием прозы и поэзии классиков Нина Андреевна Златовратская, потомственный школьный

учитель. Химия, биология, география, история – всё увлекало учеников, свободных в те годы от тирании телевидения и компьютеров. Прекрасными учителями были Александр Михайлович Завалишин (логика, психология), Иван Михайлович Колокшанский (история), Екатерина Ивановна Мануйлова (химия, биология), Ева Петровна Платова (география). Но, может быть, самые любимые уроки и занятия в кружке по физике проводил Алексей Сергеевич Богословский. Казалось, что находился он в школе круглые сутки, успевая не только рассказать о физических законах и продемонстрировать их действие на опытах и в наблюдениях, но и поговорить с учениками об их проблемах в школе и дома, пошутить над нерадивыми, посоветовать всем прочитать новую книгу. На занятиях кружка ученики делали доклады по интересующим их темам, конструировали приборы для физических опытов. Леонард Александрович уже в школьные годы заинтересовался ядерной физикой. А подтолкнула его к этому книга Корсунского «Атомное ядро». В одном из своих докладов на заседании физического кружка он рассказывал о строении атомного ядра, устройстве ускорителя и реактора, использовании ядерной физики в мирных и военных целях, методе «меченых атомов»...

На собеседовании при поступлении на физфак МГУ упомянул, что в школе была камера Вильсона (один из первых в истории приборов для регистрации следов заряженных частиц – А. А.). Члены комиссии очень удивились: какая же камера Вильсона в сельской школе? Еще и в шутку, и с недоверием спросили: «А ускорителя не было ли?» И для того, чтобы удостовериться насчет камеры Вильсона, спросили об ее устройстве. Леонард Александрович правильно ответил на этот и все другие вопросы и выдержал собеседование.

Подготовила (и сделала некоторые сокращения в текстах) Анна Алтынова